

Н.Ю. Буровцева

Анализ творчества Ф.И. Тютчева

Впросонках слышу я — и не могу
Вообразить такое сочетание,
А слышу свист полозьев на снегу
И ласточки весенней щебетанье.

В основе этой миниатюры Тютчева — новый, синтетический образ, совершенно не характерный для поэзии XIX века, но освоенный поэзией века XX. В стихотворении пересеклись, совместились два временных пласта. Такое можно представить на экране кино, когда наступление весны изображается при помощи смены кадров: только что лежал снег, а вот уже всюду бегут ручьи... Тютчев — открыватель новых образных миров в поэзии. Масштаб его поэтических ассоциаций поразителен:

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами...

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

(«Как океан объемлет шар земной...»)

Так мог бы сказать человек, взглянувший на нашу планету из космоса.

Тютчев в отличие от большинства людей не воспринимал Пространство и Время как нечто естественное, то есть попросту незамечаемое. Ему было присуще живое ощущение Бесконечности и Вечности как реальности, а не каких-то отвлеченных, абстрактных категорий. Тютчев прямой продолжатель монументальной формы философской лирики Ломоносова и Державина, достаточно вспомнить хотя бы такие их строки:

Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне — дна.

(М. В. Ломоносов.)

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей,
И топит в пропасти забвенья
Дела, и царства, и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То пропасти жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

(Г. Р. Державин.)

От XVIII века унаследовал Тютчев и ораторско-дидактический стиль (см., например, «Цицерон», «Silentium!»): вопросы, полувопросы, восклицания...

Неоднократно отмечалась краткость, предельная сжатость лучших тютчевских стихов: 1, 2, реже — 3, 4 строфы. Тютчев преобразовал оду XVIII века, сузил пространство стиха, сохранив философскую проблематику. Слова, «терявшиеся в огромном пространстве поэмы, приобрели необычайную значительность...

Одна метафора, одно сравнение занимают все стихотворение:

Не остывшая от зною
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землею

Небо, полное грозою,
Все в зарницах трепетало...

Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались порою...

Фрагмент — так Ю. Тынянов определил художественную форму стихов Тютчева. Что значит фрагмент? Фрагмент чего? Живой жизни — хочется сказать нам. Стихи Тютчева написаны как бы «на случай». Работа пульсирующей поэтической мысли идет постоянно. Какое-то внешнее впечатление, жизненное событие или глубокое внутреннее переживание могут послужить толчком к созданию стихотворения. «Поэтические его творения являлись на свет божий, еще не успев остыть, еще трепеща внутренней жизнью души поэта» (И.С. Аксаков).

Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые
И где теперь туманными очами,
При свете вечеряющего дня
Мой детский возраст смотрит на меня.

(«Итак, опять увиделся я с вами...»)

Фрагментарность стала основой для совершенно невозможных ранее конструкций и явлений. Отсюда такие «непринятые» начала стихотворений, как: «Она сидела на полу...», «И чувства нет в твоих очах...», «Когда, что звали мы своим...», «Есть некий час в ночи...» и т. п. Основу поэтической речи Тютчева составила обыденная разговорная лексика. Многие стихи напоминают реплики бесконечного диалога, который постоянно длится в душе поэта. Каждое новое стихотворение — своего рода продолжение прерванного (для читателя) разговора, поэтому оно может начинаться с вопроса, утверждения или отрицания: «И в Божьем мире то ж бывает...», «Есть в осени первоначальной...», «Как дымный столп светлеет в вышине!..», «О чем ты воешь, ветер ночной?..» Такая интонационная свобода Тютчева производила на современников впечатление внешней небрежности, неотделанности стиха и даже «нелитературности» (как и стихи Пушкина 1830-х — «Осень», «Вновь я посетил...»).

Словесный образ Тютчева передает диалектику его живой, движущейся мысли. Выделим главные особенности лирического стиля Тютчева.

В первую очередь наше внимание останавливает «раздвоенный, разящий, движущийся» эпитет. Нередко одно определение совмещает слова, далекие (а иногда и противоположные) по смыслу. Стихотворение, обращенное к А. Фету, начинается:

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой...

«Пророческий» — сверхзрячий. И вдруг — «слепой»! Этим («иным») людям свойственно сильное, живое чувство природы, но... без проникновения в ее тайну. Фету же, по мысли Тютчева, доступно нечто большее.

Другие примеры:

[Сон] Болезненно-яркий, волшебном-немой;
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом;
С того блаженно-рокового дня;

Вот тихоструйно, тиховойно,
Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдруг что-то порхнуло в окно.

Поэтическая мысль Тютчева движется внутри двух рядом поставленных и слитых в одно целое слов.

Сравнения Тютчева также нетрадиционны. Обычно сравнение предполагает, что менее известное (зримое, понятное) сопоставляется с более привычным, наглядным. У Тютчева чаще наоборот, его сравнение можно назвать «обратным сравнением»:

Таинственно, как в первый день созданья...
Сияет Белая Гора,
Как откровенье неземное;

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

Цель тютчевского сравнения не в прояснении образа, а в углублении.

Для того чтобы понять скрытое сравнение («ты скажешь») в последней строфе «Весенней грозы», надо знать, кто такая Геба:

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба
Смеясь, на землю пролила.

Геба — богиня юности в древнегреческой мифологии. На пирах богов, которые устраивает на горе Олимп ее отец Зевс, Геба выступает в роли виночерпия. Один из кубков, невзначай пролитый, и вызвал грозу.

Мифологизация образов — отличительная черта стиля Тютчева, «ему часто нужен выход из быта в высший, горний мир. Иногда он упоминается, но чаще подразумевается» (Л. Озеров).

Метафора Тютчева обнажает трагическую сущность бытия, выраженную в самых будничных и повседневных понятиях:

Увы, что нашего незнанья
И беспомощней и грустней?
Кто смеет молвить: до свиданья
Чрез бездну двух или трех дней?

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, —
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...

Угасание души, в которой «вымирают все лучшие воспоминанья» (метафора) для поэта страшнее «истомы смертного страданья» (сравнение).

Композиция тютчевских стихотворений, так же как его образ, отражает сильное и быстрое движение мысли. Чаще всего она двучастна (вне зависимости от количества строф): дается какой-то образ, потом — его осмысление, иногда наоборот: сначала мысль, потом образ (см., например, стихотворения «Фонтан», «День и ночь», «Поэзия», «Близнецы»).

Об особенностях построения стихов Тютчева замечательно сказал А. Чичерин:

«Круто, с первой строки — тот образ, в котором заключена решаемая загадка. Через целый шквал трагических отрицаний, сомнений, в досаде на неприемлемые уступки, добывается финал, не выбравшийся из смятения противоречий и все же очень светлый по своему порыву, по наполняющей его жажде всеобъемлющего знания».

Как дымный столп светлеет в вышине!
Как тень внизу скользит неуловима!..

«Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, –
 Не светлый дым, блестящий при луне,
 А эта тень, бегущая от дыма...»

Эти пять строк вместили в себя бесконечно много. Разыгрывается драма — драма человеческой жизни, которая, по определению поэта, даже не дым, а всего лишь «тень, бегущая от дыма». «Тень от дыма» — здесь не только усиление образа (жизнь мгновенна, неуловима и бесследна, подобно дыму), но и его углубление. В первой строчке необходимо обратить внимание на слова «светлеет в вышине» — то есть растворяется в небе, в вечности. А многие ли из нас хотя бы замечают тень, что «внизу скользит неуловима»? Поэт заметил и именно с ней сравнил нашу жизнь.

Перед нами «пятистишие-новелла с двумя действующими лицами и одной репликой, представляющей разговор на его высшем и окончательном этапе, – пишет Л. Озеров. – Реплика в лирике в ту пору — редкость. В послетютчевскую пору — явление нередкое».

Основа поэтической модели Тютчева — двоemiрие. Человек, его душа — меж небом и землей, «на пороге двойного бытия». Отсюда — прямо противоположное решение одних и тех же вопросов, над которыми бьется разум поэта.

Гармония — хаос, вера — безверие, небесное — земное, человек — природа, любовь — смерть, бытие — небытие — вот полюса поэтического мира Тютчева. Нередко они совмещаются в одном стихотворении (см., например: «Как ни гнетет рука судьбины...», «Природа — сфинкс...», «День и ночь», «О, как убийственно мы любим!..») и даже в образе: «и ропщет мыслящий тростник». Хрупкий, как тростник, обреченный на смерть, немощный перед лицом судьбы, человек велик своей тягой к беспредельному.

В тематическом отношении в лирике Тютчева обычно выделяют пейзажную, философскую, любовную, политическую. Разумеется, условно, так как в целом его поэзия прочитывается как единый текст.

Пейзажную лирику Тютчева точнее будет назвать пейзажно-философской: изображение природы и мысль о природе сплавлены в ней воедино; пейзажи получают символический смысл. Природа для поэта — просто второе имя жизни.

Так, в стихотворении «Осенний вечер» изображается не только «вечер года», но и «краткое», а потому «светлое» увядание человеческой жизни. В стихотворениях «Что ты клонишь над водами...», «Листья» второй — человеческий — план только подразумевается.

Поражает диапазон художнического видения поэта — от тонкого волоса паутины, что «блестит на праздной борозде», до звездного океана Вселенной.

Природа в лирике Тютчева имеет два лика — хаотический и гармонический. Свой язык присущ обоим. Человек же может понимать или не понимать и тот, и другой язык.

О чем ты воешь, ветер ночной?
 О чем так сегоуешь безумно?..
 Понятным сердцу языком
 Твердишь о непонятной муке...

(«О чем ты воешь, ветер ночной?..»)

Не то, что мните вы, природа:
 Не слепок, не бездушный лик —
 В ней есть душа, в ней есть свобода,
 В ней есть любовь, в ней есть язык...

(«Не то, что мните вы, природа...»)

Разумное начало человека и разум природы могут находить общий язык:

Так связан, съединен от века
 Союзом кровного родства
 Разумный гений человека
 С творящей силой естества...

Родство это выражается именно в наличии общего языка, в возможности общения и понимания:

Скажи заветное он слово —
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.

Трагедия человека, как ее понимает поэт, в разладе с природой: «Душа не то поет, что море...» («Певучесть есть в морских волнах...»). Миг единения с жизнью природы, растворения в ней — высшее блаженство, доступное человеку на земле.

Наиболее ярко «двойное бытие» расколотой человеческой души выражено в любовной лирике Тютчева.

В 1850 году сорокасемилетний Тютчев познакомился с двадцатичетырехлетней Еленой Александровной Денисьевой, подругой своих дочерей. Четырнадцать лет, до самой смерти Денисьевой, длился их союз, родилось трое детей. Тютчев оставил в стихах исповедь о своей любви.

«Денисьевский цикл» (название не авторское) обнажает прежде всего трагическую сущность любви. «Самоубийство», «блаженство и безнадежность», «поединок роковой» — такова любовь в понимании Тютчева.

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей...

«Буйная слепота страстей». Любовь — это та же стихия, человек подчас не в силах противостоять ей, в результате — катастрофа:

Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

Но любовь — это и высшая полнота бытия, она дарует любящим блаженство причастности к жизни «божеско-всемирной».

Одно из самых «кровно жизненных и скорбных» стихотворений «денисьевского цикла» — «Весь день она лежала в забытии...». Неотвратимое угасание любимой («и всю ее уж тени покрывали») на фоне летнего буйства природы:

Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

Реплика героини «О, как все это я любила!..» — смысловый центр стихотворения. «Любила», — говорит она и о летнем дожде, и о человеке («я был при ней, убитый, но живой»), которому еще предстоит пережить все это.

«Такого глубокого женского образа, наделенного индивидуальными психологическими чертами, никто до Тютчева в лирике не создал, — справедливо замечает Лев Озеров. — По характеру своему этот образ перекликается с Настасьей Филипповной из “Идиота” Достоевского и Анной Карениной у Толстого».

В течение четырнадцати лет Тютчев вел двойную жизнь. Любя Денисьеву, не мог расстаться с семьей — и не один «суд людской» тому причиной.

В 1851 году (уже вспыхнула страсть к Денисьевой) Тютчев пишет жене Элеоноре Федоровне: «Нет в мире существа умнее тебя. Мне не с кем больше поговорить... Мне, говорящему со всеми». И в другом письме: «...хотя ты и любишь меня в четыре раза меньше, чем прежде, ты все же любишь меня в десять раз больше, чем я того стою».

Через два года после смерти мужа Элеонора Федоровна случайно нашла в своем альбоме-гербарии листок со словами (по-французски): «Для вас (чтобы разобрать наедине)». Далее шли стихи, написанные в том же 1851 году:

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воспрянуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное провиденье!..

«Душа болезненно-греховная», «обморок духовный» — Тютчев заглянул в такие глубины, в такие бездны человеческой души, как никто до него, а после — разве что Достоевский и, по-своему, Чехов.

«“Жить стихом” — это выражение Б. Пастернака подходит ко всякому поэту, к Пушкину не менее чем к Тютчеву. Но в этих словах, в отношении Тютчева, особенное значение приобретает первое из них. Именно жизнь Федора Ивановича Тютчева — личная, идейная, философская, гражданская — была в стихах, так же естественно-необходимых, как движение мысли и чувства всякого человека» (А. Чичерин).